

The background of the cover is a classical painting. On the left, a large, dark tree trunk and its branches frame the scene. In the center, a winged figure, possibly a personification of Love or Victory, sits on an ornate golden throne. She wears a white dress and a crown, and holds a long, flowing red cloth that forms a circular arch over her head. To her right, another winged figure, dressed in a pink and green robe, sits on a cloud, pointing towards the right. In the foreground, two peacocks with vibrant blue and green feathers stand on a cloud. A bright rainbow arches across the sky in the background, adding a magical atmosphere to the scene.

Юрий Пересичанский

С небом наперегонки

Поэзия

Юрий Пересичанский

С небом наперегонки. Поэзия

«Издательские решения»

Пересичанский Ю.

С небом наперегонки. Поэзия / Ю. Пересичанский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858942-3

Всякий стих воспринимается каждым читателем по-своему, а для автора чаще всего поэзия — это признание поэта в любви (почти всегда безответной) к жизни, дабы как можно дальше самозабвенно убежать от ревнивицы-смерти, следующей по пятам и всегда готовой раскрыть объятия. Для самого же стиха главное, чтобы самая сложная, самая глубокая и необычная метафоричность была в то же время естественной, прозрачной и понятной, легко прочитываемой — поэзия не в словах и строках, а между словами и строками.

ISBN 978-5-44-858942-3

© Пересичанский Ю.
© Издательские решения

Содержание

Владимиру Высоцкому	6
Октябрь	8
1. Узнавание октября	8
2. Ветхозаветность октября	9
3. Последний бунт октября	10
К годовщине гибели «Курска»	11
Кощунство зноя	12
Кредо Степана Разина	13
И снова осень?	16
Дистония	17
На звездном перевале полуночи	18
Ливни. Ливни...	19
Прощай	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

С небом наперегонки

Поэзия

Юрий Пересичанский

© Юрий Пересичанский, 2017

ISBN 978-5-4485-8942-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

* * *

Буквы слагаются в слова, слова слагаются в текст, из текста, души поэта и позволения Бога рождается стихотворение. Каждый читатель, знакомясь со стихотворением, прочитывает его по-своему, по-новому, рождая таким образом практически новый текст. Так беспрерывно рождается живое небо поэзии, объединяющее эпохи и народы.

Хотя лично для автора чаще всего поэзия – это признание поэта в любви (почти всегда безответной) к жизни, дабы как можно дальше самозабвенно убежать от ревнивицы-смерти, следующей по пятам и всегда готовой раскрыть объятия.

Для самого же стиха главное, чтобы самая сложная, самая глубокая и необычная метафоричность была в то же время естественной, прозрачной и понятной, такой, что легко прочитывается, чтобы содержание естественно порождало форму, через которую это содержание легко бы узнавалось. Ведь поэзия не в словах и не в строках, а между словами и между строками.

Владимиру Высоцкому

1.

Давно ль Христовы раны открывались
Глазами Лазаря в сердцах врагов?
Давно ли Савла в Павла превращали
Мелодиею сброшенных оков

Твоя гортань на ноте прорицанья,
Твоя, на вздохе откровенья, грудь,
Органными мехами потрясая
Безликий свод, куда лишь орды прут

Пожитки ненасытных суесловий?
В хмельных глазах, распластанных под ноль,
Голгофу дыбил голос твой давно ли?
Глазам твоим лишь мир иной давно ль?

Давно... А будто вот, за поворотом —
С налета в лоб звон струн и хрипотца,
Как лат бряцанье, страха и упрека
Не ведающее – гитары царь!

О, рыцарственный строй былых мгновений,
Поминовеньем скорбных лет восстань во мне,
Таранным лязгом лобового пенья
Броню забывчивых времен разбей!

Восторга пилигрим, мытарствуй с миром,
В пустыне беспросветной немоты
Нещадно расточай глагола миро,
Любимец замогильных палестин.

2.

Разбег был крут, а смерть – полет, паденье ль?
Искупится ли весь надменный быт
Парением коленопреклоненья
Пред искренностью «быть или не быть»?

В «Охоте на волков» играешь Волка —
То Гамлета ль себе в суфлеры брать,
Иль в оцепленье, на потребу толпам,
Флажком испуга рдеть и трепетать?

На сцену хлынула возня галерки.
На небе дно. И все едино мне,

Где Гамлет – в гардеробной иль суфлерской.
Вот жаль Офелию – ей на панель.

Увы, лягушка не всегда царица.
Толпа – всегда толпа, а не народ.
И только лишь чекан стихотворенья
Сквозь ретушь времени судьбу ведет.

Октябрь

1. Узнавание октября

Сожженных мостов остывающим пеплом
ложится листва в пестрый наст бытия.
В зеркал отрешенье подобьем поблеклым
отторгнут – о Боже! – да это ли я?

Моя ли рука содроганьем отметит
сникающий пульс, словно мельк маяка
в густеющем сонмище шторма – несметен
провал или вал в маяте моряка?

Горька, солона на меже предрассветной
несбыточность снов, и к рассвету закат
так близок, как призрак седеющей вести
предснежья зимы в октября облаках.

2. Ветхозаветность октября

В утробе требы октября,
как в озареньях поглощенного Ионы,
Ниневии наития горят
немыми угольками исподбровья.

Испробована соль стократ,
И снова рыка льва непревзойденней
собачий вой: Экклезиаст —
последний полнолуния акт задернут.

Июлю в след октябрь попал,
как в след Израиля Иеремия, —
о, лета бабьего печаль,
тебя ль нарек Амнон Фамарью милой.

3. Последний бунт октября

Просторы убраны блистаньем паутины.
Тоскливостью высокой взбиты облака —
шиньон Антуанетты перед гильотиной:
и падает кровавым лезвием закат.

В отребьях траурного обрамленья веток
на месте, падающей в обморок, листвы
зияют, жадным к зрелищам кровавым, блеском
невосполнимые пробелы пустоты,

как взгляды, жадной к наслажденьям казнью, черни.
Широк прощальный осени невинной жест,
как повелителя поклон надменный,
прощающий толпе мытарства королей.

К годовщине гибели «Курска»

Тень, спину прикрывающего, друга,
подругу слез мужских, надгробных слов,
промозглой до кости, продроглой грудью
встречать – да по плечу ли этот стон,

уставшим чтить уставы сухопутья,
устам, уставшим даже от забав
кораблики мыслишек пресных путать
и мелководьем шлягерным пускать.

Курортный раж, азарт загара – лето...
Душ-тел, вокзалов-багажей бог – юг...
Буфет-купе, пропито и пропето:
на юг – на юг..., на юг – на юг... И вдруг!

Стучат?! – Крым, Сочи – все покрыла вести
девятым валом северная ночь...
Москва – Курск – Киев, города и веси —
стучат?! – жена, невеста, мать и дочь...

Стучат?! – в груди подлодки не бывает
чужих сердец, чужих смертей – стучат?!
Нет в горе слез чужих, чужих печалей:
стучат?! – стучат?! – отец, товарищ, брат...

Стучат?! – Не «СОС», не жажда кислорода,
не точки и тире, а души и сердца
вымаливают памяти – не продан
ли прах, литаврами ли узнана слеза?

Стучат?! – Огромной разрастаясь раной,
стучит Отечество в груди всех стран
(страны ль?) – как странно разделять на страны
невосполнимость горестных утрат...

Вот так же и Отечество недавно —
на плесе вечности лишь пузыри,
веками нам накопленных, дыханий,
от «а» до «я» утопшей, старины.

Стучат?! – Лишь Богу ведома морзянка,
как жабр на брег, под воду скрытых, ртов —
поведай Беринг Стиксу стих озябший
о нежности Онежских берегов...

Кошунство зноя

Не дланию дарящею бодрит,
а одуряет желчи течью
диск солнца – бел и зол его зенит.
Каленый горизонта венчик,

печати Каиновой окоем,
предел терпенья медью метит —
так может бередить греха клеймом
кошунство лишь хулы посмертной.

С утра уже заря изнурена
сладчайшей жаждой кровной мести,
к полудню жертва уж принесена,
а вечер покаянья песнью

раскаянье раскатит – духота:
на запредельной ноте зыком
оглушит нас проклятья немота
на дне испуга безъязыком.

И долго будет беспредел ночной
раскалывать битьём цикадным
беспомощную скорлупу висков,
и будет память падать камнем.

Не счесть Горыныча гори-голов:
богатырям ли теней сладить
с усладой, колдовством берущей плоть,
с усладой млеть, слабеть пред Ладой.

Растеребив осиный нрав страстей,
языческим быльём ломая
колени целомудрия росе,
калеча девственность прохлады,

куражится кромешным адом зной,
потехе жара не преграда
моленья, сброшенного в сухостой,
предавшегося гладу сада.

Де Садом падает на грудь берез
запретного плода досада —
в угаре ветра столько юных грез
лелеют старческий упадок.

Кредо Степана Разина

«Из-за острова на стрежень,
на простор речной волны
Выплывали расписные
Стеньки Разина челны...»

Порфирородней шапки Мономаха
небесный свод главу покрыл,
двуглавого крылатей взмаха
попутный ветер да казацкий пыл.

Что мне цари, империи, султаны
со вздыбленностью их в узде границ
короны и чалмы – намаза и сутаны,
кордона нет казацкой воле – ниц

паду лишь пред упреком побратима,
пред раной друга лишь паду, моля:
предсмертью верных глаз лишь зрима божественная горечь-
благодать.

Спокоен, словно Каспия безветрье,
волшебной Персии греховный сон,
пока не всполошит аулы вестью,
как половодье Волги грозный, стон...

Грядет Урала гнев! – Вот грянет буря!
Гряда толь гор, толь волн, толь туч растет! —
Казацких стругов гром вот-вот разбудит
гаремного разврата забытье.

Базарный гам покрыла тишь предгрозя,
лишь кандалы невольников звенят
без отклика монетного, лишь дрожью
коленной множась в душах янычар.

Прищур наживы ужасом округлен,
расширен, испытуй даль, зрачок,
невольниц срам привыкший мерить гурий бесстыдной
похотливой наготой.

Вас истомило ожиданье? – Ждите! —
Все ж неожидан будет гнев небес:
терпенье переполнившим избытком
в моей руке Руси пылает месть!

Волны вздымайся ж непреклонность – весел,
на весла налегающей, братвы
прибойный рев – он, слаще хмеля песен,
бурун за буруном сердца ярит.

Когда в пороховом дыму, как в туче,
лавиной сабель молнии растут,
веленья моего единоручье,
в кулак атаки стиснув сотни рук,

неодолимее волны несметной,
неистовой шального табуна
сметает вражьих воплей пекло,
и черт ни одному из нас не брат.

Стена предсмертных стонов ближе, ближе
зубовный скрежет с сабельным роднит,
стенанья с губ и с лезвий слижет
плоть, сталь вобравшая, как эти дни

вбирает в красноречие преданья
сказитель, гордостью сердца внучат,
как мы тут сталью янычар, пронзая —
и внуку трус тогда, как черт, не брат!

Мне, пьяной вдовьими слезами, сыти
врезая брюхо, к славе казаков
утешив приунывшие станицы
венками переполненных челнов;

мне, в прах низведшему твердынь гордыни
пасхальным звоном сброшенных цепей,
который поминальным звоном стынет
в пустых сердцах султанов и царей;

пред, жизни мне вручившими, друзьями
дозволено ли было мне всхотеть
не выкрикнуть проклятье пред врагами,
а девы неземной красу воспеть,

не золото Персии добыть, а персям
княжны ее воздать хвалу —
сей тайны изыск, братья, бросьте в песни
крутую набежавшую волну.

А вам же, братья, знать, и жить и верить:
нет звука ненавистней для меня,
чем звон цепей – на золото иль на деву
я, братья, никогда б не променял

казацкой воли заповедь лихую,
свободы сабельную благодать.
Под звон цепей пируя и ликуя,
кто б ни хмелел, наш царь иль их султан,

венца ль царя, чалмы ль султана злато
неволит отблесками кандалов,
мне все равно – с цепями ждущий брата
мне басурман и супостат! – Таков

царю урок казацкий православья,
и сабельный закон в моей руке!
А то, что у царя поболе сабель —
так вот потомкам, словно сабля, мой завет:

нудней, чем от атаки до атаки,
нет прозябанья – что же, что длинней,
чем мой бросок от Яика до плахи,
змеятся будни жертв и палачей;

покорно дотавившему до одра
мытарств и унижении воз
желанна смерть спасеньем от невзгоды,
с рожденья опаляющей стыдом;

мне ж и пред плахой все милей, желанней
та жизнь, которой буду воспалять
казацкое бесстрашье пред врагами
и ненависть казацкую к цепям.

И снова осень?

Какая огромная осень
Ложится ничком на восток,
Скрипят жернова и колеса,
Журчит то ли Стикс, то ли сток.

И падает тень, как страница, —
Прочитан уже эпилог, —
Увы, не Париж, и не Ницца,
А так, захолустье, предлог

К слиянью души с горизонтом,
К увечью сердец и надежд,
К исканью приюта под зонтом
В предчувствии зимних одежд.

Какая промозглая слякоть,
И воеет то ль ветер, то ль выпь.
Уменье дождя тихо плакать.
Желанье истошно завывать.

А впрочем, ведь изыск прогресса
Дополз наконец и сюда:
Разменной монетою секса
Оплатят вам все без стыда;

И тут у распивочной шлюха
Подносит к опухшим губам,
Как вестерна кинокраюху,
Лихой самогона стакан.

Какая огромная осень
Ложится плашмя на восток —
Надеюсь расплющит не очень
Меня этой пытки пластом.

Дистония

Пьянящий, вспять распятью, времени поток
к истокам гекатомбы, дыму жертв подобно,
клубящий изнывающую века плоть —
победа страсти хлещет гордости апломбом.

Фонтан забвенья, вождельня фейерверк,
и на зубах реклам ионного самума
веселый хруст – какой там, к черту, смертный грех:
Везде лишь брутто меднозвонное монет

да нетто оброненных в спешке поцелуев,
а золота любви в итоге нет, как нет —
Не прыгнешь выше лба? Ах да, причем тут лоб —
ведь ниже пояса все века вдохновенья...

• • • • •

Все ритмы сердца да пера лишь подогнать
под «девяносто, шестьдесят на девяносто»...

• • • • •

На звездном перевале полуночи

1.

Свежеоболган – не трогать
высохнут слезы пока:
слезы ведь тоже – отроги,
выси их тоже – века!

Ночи колодец глубокий,
да и тоска не мелка.
Болью недремного ока
бродит луна в облаках.

Все не рябиновой кистью,
а ноября кистенем
полночь осенняя виснет,
тиснет бессонницы сонм.

Выспренность звезд подвенечных
гибельно манит меня —
бабочка так ли беспечно
слепнет во гневе огня.

2.

Мощам забытого святого
подобен звездопад в ночи:
из-под смиренной плоти-тоги
нисходят жалобы-лучи

молениями о снисхождение
к злорадству сирых палачей —
дай им, как мне, узреть свечение
хулу хвалой венчающих очей.

Виной, раскаянием поздним,
стенаньями – «не нас, не нас!» —
из катакомб тоски отозван
прощенье ведающий глас:

«Приидите – и будет правым
мой скорый, незабвенный суд —
я сильных возведу на паперть,
акафист слабым вознесу.

Ливни. Ливни...

Сплетаясь всеми высями невзгод
с глубинами заостенелой непогоды,
июнь, июль ли – кто их разберет —
все льет и льет, и, кажется, не дни, а годы...

И, кажется, с надрыва уж осип
над рокотом обрыва голос сада:
целебно втуне благовонье лип —
нищает песнь в утробе водопада.

Немой оскал заката синь, свинцов,
как отходящего без исповеди губы:
избрать наследника из мертвецов?
Алмазы звезд на миг меж туч – кому бы?

И снова ливень, он искупит ли вину —
вода крещения, как вино причастья, хлещет.
И спин, как душ, нет силы разогнуть —
согбенных толп шаги сливают чет и нечет.

Прощай

Осенние сумерки,
как быстротечна агония
взмаха – «Прощай»...
Подгнившим плодом
извивается солнце
под натиском тьмы.
В закате
кровавые сполохи
судорг слабнут,
как пальцы,
Что древко
погибшего стяга сжимали —
«Прощай»...
Стою у окна,
а как будто тогда на перроне;
Скрывается солнце,
как будто ушедший тот поезд,
который тебя, мое солнце,
За грань поцелуя унес —
кто же знал,
что уже навсегда.
Сегодня я был там.
Асфальт танцплощадки,
где столько подошв
Под грохот динамиков стерто
в угаре,
бурлящей весельем,
толпы
Наперсников нашей любви,
когда я,
замирая от благоуханья

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.